

„Подражания Корану“ Пушкина

.. Во: в „Подражаниях Корану“ Во-
сгок по-русски говорит

К а з и в „Пушкин“.

Среди целого ряда стихотворений Пушкина, в которых он является уже истинным художником, особенно прелестны произведения ориентального характера.

И. С. Тургенев писал однажды С. Т. Аксакову: „давно вы не читали Восточных стихотворений Пушкина. Перечтите их—я от них безумствую...“ Под „Восточными стихотворениями“, приводившим в восторг Тургенева, мы должны подразумевать, главным образом, так называемые „Подражания Корану“.

Достоверно неизвестно, когда Пушкину впервые пришла в голову мысль прочесть Коран и воспользоваться его образами и формой. Надо полагать, что во время пребывания на юге. Где именно на юге: в Крыму, на Кавказе или Одессе? Кто может знать положительно? За отсутствием фактических данных вопрос этот решить теперь довольно трудно. Казалось бы, с одной стороны, что, знакомясь в Крыму и на Кавказе с бытом мусульман, с их памятниками и поэтическими преданиями, Пушкин должен был бы волею-неволею и познакомиться с Кораном, конечно, в переводе. А с другой стороны,—где и у кого в то время, на Кавказе или в Крыму, Пушкин мог достать перевод Корана? Поэтому скорее всего нужно думать, что Пушкин начал читать Коран в Одессе¹, но, повторяю, достоверных сведений у нас об этом нет, если не считать одного письма поэта к Вяземскому от 14 июня 1824 года, собственно говоря ничего не объясняющего, где мы, между прочим, находим такие строки: „...с другой стороны деньги, Онегин, святая заповедь Корана“. Вот и все.

И только уже в Михайловском, „уголке земли“, где он „провел отшельником два года незаметных“, Пушкин как бы вспомнил о Коране и стал работать над сюжетами, навеянными раньше чтением его. На это есть уже прямое указание его самого в одном письме к брату в начале ноября 1824 года. Пушкин писал: „Я тружусь во славу Корана (Подражания Корану) и написал еще кое-что—лень прислать“...

Таким образом, познакомившись с Кораном скорее всего на юге России, а именно в Одессе, Пушкин в Михайловском осенью 1824 года начал трудиться „во славу Корана“ и закончил свои труды возможно даже и в 1825 году, каковым годом он пометил и сам свои стихотворения. Так постепенно создавались „Подражания Корану“.

¹ С Кораном Пушкин мог познакомиться в Одессе по русским переводам, Вареники с французского 1790 г. и Колмакова с английского 1792 г., или английскими и французскими переводами Ruef и Savary. Какими из вышеупомянутых переводов Корана Пушкин пользовался, трудно сказать. В библиотеке его, как сообщает Б. А. Модзалевский в своих исследованиях „Пушкин и его современники“, выпуск IX-X 1910 г., оказался Коран в переводе Savary, но только издания 1828 года, и экземпляр был не разрезан.

Всех „Подражаний“—девять, соединенных мастерски в одно стройное гармоническое целое, при полной в то же время самостоятельности каждого из них и удивительной близости к оригиналу¹. Прежде чем анализировать их, посмотрим, что такое представляет собой Коран, каковы его эстетические достоинства и каково отношение к Корану у Пушкина.

Что такое Коран? Для правоверного мусульманина Коран есть повеленное слово божие, как по содержанию, так и по форме, существовавшее в своем нынешнем виде, на арабском языке, прежде веков. Каждый стих Корана — „чудо“—айе. Для „кяфира“, неверующего европейца, Коран—это собрание всевозможных рассказов, поучений, легенд, преданий, нравственно-религиозных и политических предписаний Мохаммеда, изложенных не всегда понятным, образным, высокопарным языком, не только без порядка хронологического, но и вообще без всякого порядка.

Спрашивается, можно ли эту напыщенную реторику и тот часто совсем бессмысленный набор образов, особенно в мекканских сурах, принимать за поэзию и восхищаться ею. О вкусах обыкновенно не спорят. Здесь, мне кажется, необходимо иметь в виду прежде всего, кто читает Коран, мусульманин или не мусульманин, и как читает, в переводе или подлиннике. Что Кораном, по крайней мере, последними сурами, могут восхищаться и люди с эстетическим вкусом, видно из примера Пушкина.

И Пушкин в данном случае не является одиноком. Восторгались Кораном такие ученые, как Бартеlemi Сент-Илер, Седильяло, Гаммер. Стэнли Лэн Пуль даже так озаглавил свою книгу: „Le Coran, sa poesie et ses lois“. Наоборот, другие исследователи, при всей своей симпатии к личности пророка, дают самую не лестную оценку Корану. Ренан заявляет, что долго читать Коран, за исключением последних сур, вещь невыносимая. Нельдеке сознается, что поэзию в Коране заменяет реторика, и что с нашей точки зрения мы совсем должны отказать Мухаммеду в призвании поэта. Дози говорит, что Коран не заключает в себе ни глубоких мыслей, ни поэтических теорий, которые высказаны были бы высоким и увлекательным языком²...

Как относился к Корану Пушкин? Его отношение было не совсем определенное. С одной стороны, Пушкин видел в Коране „собрание новой лжи и старых басен“... А с другой—находил „что многие нравственные истины в Коране изложены сильным и поэтическим языком“... „Плохая физика, но зато какая поэзия“, замечает поэт в примечании к 5-му Подражанию, художественно передавая религиозные воззрения мусульманского Востока на природу. И несмотря на эту неопределенность,—эту двойственность, Пушкин сумел удивительно верно подойти к Корану и извлечь из него самое важное, существенное и вечное. Что заинтересовало его? Вопрос этот, кажется, остается спорным и до сего времени. Будучи сравнительно мало известны широкой массе, „Подражания Корану“ тем не менее имеют довольно большую критическую литературу. Так, исследованиями „Подражаний“ занимались: Милюков, Страхов, Сумцов, Черняев, Поливанов, Котляревский, Мережковский, Абрамович и многие другие. И было предложено много толкований „Подражаниям“ Корану. Но все эти толкования сводятся к мнению, что „Подражания“ есть не что иное, „как восторженные гимны богу“.

Черняев, например, полагает, что в Коране поразила и привлекла Пушкина вдохновенная проповедь Мохаммеда божьего всемогущества,

¹ Поливанов в своем издании сочинений Пушкина т II, стр 128—145 точно сопоставил „Подражания“ с отдельными сурами и стихами Корана. Черняев внес некоторые дополнения и поправки к работе Поливанова (Рус. Обзор. 1897 г.). Сопоставил „Подражания“ Пушкина с отдельными сурами и стихами Корана и В Эберман „Арабы и Персы в русской поэзии“, журнал „Восток“ № 3, стр 117 примечание 1. 1923 г.

² Очерк истории ислама Дози. Перевод Каменского с предисловием и примечаниями проф. А. Е. Крымского. Стр. 120—121. Примечание 5.

божией благодати и справедливости. Вот почему Коран заставил поэта впервые задуматься над вопросом о боге и тем самым привел его к Библии... „Подражания Корану“, говорит Черняев далее, насквозь проникнуты монотеистическим духом и неподдельным религиозным чувством... и что, создавая „Подражания“, Пушкин нашел в своей душе сочувственный отклик мистическому пафосу Корана...¹ Для того, чтобы оправдать свои предположения, Черняев даже подозревает Пушкина в неискренности вышеприведенного мнения его о Коране вообще.

Так ли это? В. Вересаев в своей статье „Заметки о Пушкине“ утверждает, что Пушкин при всей ясности и прозрачности своих стихов, один из самых непонятных поэтов. Кажущаяся ясность его стихов обманчива. Да он и сам говорит об этом: ... „Стихи неясные мои“... И еще: ... „Исполнен мыслями златыми, непонимаемый никем...“ По мнению В. Вересаева, Пушкину совсем было неважно, поймут ли его другие, или нет, писал он для себя, потому что в творчестве для него было высшее и единственное счастье, и очень мало заботился о том, как поймет его читающая публика. Это,—замечает В. Вересаев,—необходимо всегда помнить при чтении Пушкина и читать его внимательно, чем мы это обыкновенно делаем².

Вот если эту рекомендуемую В. Вересаевым внимательность мы приложим к чтению „Подражаний Корану“, то совершенно ясным станет, что стихотворения нужно понимать не так, как их понимали раньше.

„Подражания Корану“—не восторженные гимны богу. В них, мне кажется, нет ничего мистического. И почему, в самом деле, мы не должны верить признанию Пушкина, „что его пленили в Коране лишь те места, в которых излагаются нравственные истины сильным и поэтическим языком...“

Правда, может быть у поэта и было желание пуститься в мистическую высь, но он поборол его и, сделав какой-то резкий уклон в сторону материализма, сумел остаться здесь, на земле, на почве реального человеческого быта, как бы умышленно перенеся центр тяжести с мистических высот на бытовой уклад жизни. Вот этот-то человеческий быт, а вовсе не мистические высоты и занимали поэта. Пушкина заинтересовало „человеческое в его национальных и расовых чертах“, и поэт блестяще выполнил свою художественную задачу³.

В результате—во всех „Подражаниях Корану“ и сказалась удивительная трезвость здорового жизнерадостного мирозерцания.

В 1825 году Пушкин как-то писал: „...есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ жизни, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в поэзии“... Вот эту-то „особенную физиономию“ арабского народа и как отразились в сознании и жизни его заповеди Корана, возвещенные Мохаммедом, и как должен здесь, на земле, жить человек, согласно этим заповедям, дабы не прогнать бога, каков, наконец, бог в Коране и каковы могут быть взаимоотношения между ним, пророком Мохаммедом и обыкновенным человеком,—вот что имел в виду Пушкин, когда создавал свои „Подражания Корану“.

Первое „Подражание“ сразу вводит нас в сферу тех отношений, которые, согласно мусульманскому мирозерцанию и верованию, существуют между Аллахом и его пророком Мохаммедом. Эти отношения можно назвать отношениями отца к сыну. Аллах удивительною заботливостью и лю-

¹ Черняев „Пророк“ Пушкина в связи с его же „Подражаниями Корану“. Русское Обозрение, 1897 г. книга II, стр. 393—396.

² В. Вересаев. „Заметки о Пушкине“. Новый мир. 1928 г. кн II, стр. 210.

³ Н. Абрамович. Мотивы мистики и реализма в творчестве Пушкина. 1911. Стр. 222.

бовью окружает своего избранника; он даже клянется Мохаммеду в том, что не покинет его на трудном проповедническом пути. Вот как бог утешает своего пророка:

... Клянусь четой и нечетой.
Клянусь мечом и прапом битвой.
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой.
Нет, не покинул я тебя
Кого же в сень успокоенья,

Я ввел, главу его любя
И скрыл от зоркого гоненья?
Не я ль в день мякды наполни
Тебя пустынными водами?
Не я ль явля твоей одарил
Могучей властью над умами?

Какая заботливость и какая любовь! И можно ли при такой заботливости и любви Аллаха пророку падать духом? Напротив, ему следует бодро и смело идти по намеченному пути. Аллах вю и заповедует своему избраннику:

Мужайся ж, презирай обман,
Стевею правды бодро следуй.

Люби сирот и мой коран
Дрожащей твари проповедуй...

Уже в этом первом своем „Подражании“ Пушкин намечает, пока еще, правда, неясно, в общих чертах, во-первых, образ Аллаха так, как он отразился в Коране и сознании народа, а именно, Аллаха милосердного, могущественного, карающего, и, во-вторых, — образ человека ничтожного, безличного, смиренного. Слова „дрожащей твари“ удивительно верно передают всю суть ислама, самое название которого в буквальном переводе значит — покорность, преданность богу и его воле. Мусульманин — ведь это не гордый эллин, с достоинством относившийся к своим олимпийцам и самоуверенно сложивший дерзкий миф о Прометее. Мусульманин — это раб, ползающий у ног своего властелина и с терпением ожидающий от него счастья и несчастья, жизни и смерти. Бог по Корану все, человек — ничто.

Второе „Подражание“ — бытовая, в высшей степени жизненная картина арабской жизни. Говорится во втором „Подражании“ о женах пророка, как о существах чистых, беспорочных, отличных от всех остальных женщин Востока. Вот почему и жизнь их должна быть особенной: они должны жить скромно, хранить супружескую верность, закрывая покрывалом лица от взоров нечестивых. Все верующие (гости Мохаммеда) должны питать к женам пророка уважение.

Тут же Пушкин рисует нам и самого Мохаммеда, как скромного, благочестивого, но вместе с тем ревнивого, чувственного и женолюбивого араба.

... О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены;
Страшна для вас и тень порока
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно; вам пристало
Безбрачной девы покрывало
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он вездеречивых,
И слов нескромных и пустых;
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых...

Это „Подражание“ больше всех остальных подтверждает высказанное мною выше предположение, что Пушкина в Коране заинтересовало „человеческое“, а отнюдь не „божеское“. Даже Черняев и тот находит, что второе „Подражание“ далеко не звучит тем величественным пафосом, которым запечатлены все другие „Подражания“, и этим резко отличается от них¹. Не это ли „Подражание“ имел в виду и Страхов, находя, что Пушкин, искренне чувствуя всю поэзию Корана, в то же время почти готов был пародировать его². Но Страхов ошибался, как не мусуль-

¹ Черняев, указ. статья Стр. 856.

² Страхов. Заметки о Пушкине Литературный сборник „Складчина“, 1874, стр. 572

манин. О пародии, само собой разумеется, не может быть и речи, ибо для правоверного мусульманина все заповеди Корана, даже и о женах пророка, равноценны. Пушкин это великолепно понимал, передав нам в „Подражаниях Корану“, опять-таки повторяю, не мистический смысл самих заповедей, но лишь их отражение в сознании и жизни арабского народа.

В третьем, четвертом и пятом „Подражаниях“ Пушкин во всей полноте дает нам образ Аллаха, этого национального бога арабов, так, как он запечатлелся в воображении народа, с одной стороны, Аллаха щедрого, милосердного, а с другой стороны—безжалостного, могущественного, карающего. Перед таким богом в прахе лежит человек—полнейшее ничтожество. В мире все говорит о щедрости, могуществе и милосердии Аллаха.

.. Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле.
Как лен, елея напоенный,
В лампадном ветит хрустале
Творцу молиг съ; он — могучи,
Он правит ве ром в знойный день,
На небо посылает тучи,
Дает земле двесну тень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий коран.
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман . (V)
Подъсмлю солнце я с востока
С заката подыми его, ... (IV)

сказал бог человеку, дерзнувшему сравняться с ним. И все в мире говорит о слабости человека, о брэнности его жизни.

.. Почто ж гичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недоагнй век,
Что слаб умр: г. как слаб роднась?
За то ль, что Бог и умертвил,
И воскресит сло по воле?

Что с неба дни его хранит
И в радостях, и в горькой доле?
За то ль, что дал ему плоды,
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды,
И вертоград, и холм, и ниву?.. (III)

И, как бы вдруг негодуя на „кичливость“ человека, как бы вдруг негодуя на безумное желание человека считать себя равным богу, вступать с ним в спор, кощунственно приписывая себе право бога карать и миловать,

... Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую,
С тобою, боже, равен я. (IV),

Аллах в день страшного суда из милосердного бога становится карающим, богом порядка, закона, богом безжалостной грубой силы. В прахе, лбом в пыли, лежит человек перед этой грозной силой, сознавая свое ничтожество.

.. Но дважды ангел востребит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом:
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом... (III)

Шестое „Подражание“—гимн воинствующего ислама. Дикие арабы, „дети пламенных пустынь“, сражаются за веру, одушевленные религиозною ненавистью ко всему немусульманскому. „Сражайтесь с неверными, пока вера Господня станет единственной религией на земле“,—учил пророк в последние дни своей жизни Эта заповедь Корана, так хорошо совпадающая с естественными инстинктами полудиких кочевников, и передана художественно Пушкиным в шестом „Подражании“.

.. Недаром вы принаились мне
В бою в обретыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемайте радостному кличу
О, дети пламенных пустынь,
Ведите в плен младых рабннй,
Делите брннную добычу.
Вы победили: слава вам.

Оканчивается „Подражание“ обещанием райских наслаждений всем тем, которые пали в войне за веру.

... Блаженный падение в сражении:
Теперь они вошли в адом

И потонули в наслаждении,
Поотравляемом ничем...

Страхов находил, что шестое „Подражание“ по звуку походит на воинственный марш, дышащий жаром битвы¹.

Седьмое „Подражание“ по своей идее находится в тесной связи с первым „Подражанием“. Перед нами опять взаимоотношения бога и его пророка. Опять мы видим, как бог утешает и ободряет своего избранника в минуты тяжелого душевного разлада. Напоминая Мохаммеду через архангела Гавриила, что он „не покинул“ его, Аллах указывает в то же время пророку на единственное и верное средство против всех жизненных невзгод. Средство это — молитва ночная и чтение Корана. Мохаммед, как говорит предание, увидев архангела Гавриила, закрылся плащом. Гавриил же обратился к пророку с такими словами, сразу разрешившими все его сомнения, „печальные мысли, лукавые сны“:

... Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой.
Пророк, удали

Печальные мысли,
Лукавые сны.
До утра молитву
Смирненно твори;
Небесную книгу
До утра читай...

В критической литературе не раз возникал вопрос об отношении и близости седьмого „Подражания“ к неоконченному стихотворению Пушкина: „В пещере тайной, в день гоненья“ (из цикла „Подражаний Корану“), но напечатанному отдельно от „Подражаний Корану“. Вот это стихотворение.

... В пещере тайной в день гоненья.
Читал я сладостный Коран.
Внезапно Ангел Утешенья,
Влетев, принёс мне талисман.

Его таинственная сила
С тем
Слова святые начертила
На нем бравестная рука...²

Черныев предполагал, что седьмое „Подражание“ явилось именно вместо этого неоконченного стихотворения, имея в виду некоторую общность их мыслей. Лернер, наоборот, — такое сближение Черныева считает натянутым, и вообще вопрос об отношении седьмого „Подражания“ к вышеприведенному отрывку, за отсутствием фактических данных, — неразрешимым.

Восьмое „Подражание“ — ряд нравственных правил, регулирующих взаимоотношения „правоверных“ между собою. Из предыдущих „Подражаний“ мы видели, что основной завет ислама — подчинение, служение. Человек прежде всего должен смириться перед неограниченной всемогущей силой и, отказавшись совершенно от своей воли, снискать ее расположение покорностью. Только после этой „зависимости“ устанавливаются уже отношения человека к ближним. И вот какие. Поощряются: милостыня и добрые дела. И милостыню и добрые дела творить нужно щедро, искренне, ибо:

.. Щедрота полная угодна небесам
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О, сеятель благополучный,
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Милостыня же скупая, „фарисейская“, имеет обратное значение,

... Но, если пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье.
Сжимаешь ты свою завистливую длань.
Знай: все твои дары подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут, — Господом отверженная дань.

¹ Страхов. Заметки о Пушкине, стр. 574

² Стихотворение датируется по изд. Пушкина Брокгауза-Ефрона под ред. Венгерова.

Лернер. Примечания к „Подражаниям Корану“. Собр. соч. Пушкина издания Брокгауза-Ефрона. Том III. Стр. 543-44

Последнее „Подражание“, девятое,—великолепная картина, полная художественного настроения. Идея его—любовь, благодать и величие Аллаха, и слабость, бессилие и полная зависимость от бога человека. Мысли прежние, которые Пушкин развивал уже раньше в предшествующих „Подражаниях“. Здесь поэт хочет только еще раз ярче, нагляднее оттенить их, дабы человек, помня постоянно свое ничтожество, не роптал на бога, а надеялся на его благодать.

Рассказывается в девятом „Подражании“ о путнике, который, блуждая в знойной пустыне три дня и три ночи, от невыносимой жажды в конце концов возвратил на бога:

И путник усталый на бога роптал,
Он жаждой томился и тени алкал
В пустыне блуждая три дня и три ночи
И аносом, и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг

Вдруг он видит пальму и воду.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы

Тогда бог, желая наказать путника за ропот, навел на него глубокий многолетний сон. Во время этого сна высох источник, истлела пальма, околела ослица, сам путник тоже изменился: из юноши он превратился в старика, но тем не менее не умер. Настал, наконец, час пробужденья путника. Он встал и вдруг слышит неведомый голос:

„Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?
И он отвечает. — уж сдвиге высоко
На утреннем небе сияло вчера,
С утра я глубоко проспал до утра.
Но голос: о, путник, ты долее спал,
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладезь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей .

Путник, увидев величие божие, смирился, и, сознавая свое ничтожество, „поник, рыдая, дрожащей главою“. Тут-то вот и совершил Аллах чудо, показав человеку опять и свое величие и свое милосердие.

И чудо в пустыне тогда совершилось
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой
И ветхие кости ослицы встанут,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови замирает воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь,
И в богом он дале пускается в путь...

Для создания этого „Подражания“ высокохудожественной ценности, под впечатлением которого, между прочим, Лермонтов написал свои „Три пальмы“, что указано было еще Милюковым¹, Пушкин воспользовался преданием о чуде, которое, по мнению мусульман, случилось с Ездрой, или Заиром, и о котором говорится в Коране во второй суре 261 стихе. Ездра, проходя однажды близ разрушенного города Иерусалима, воскликнул: как бог оживит этот мертвый город? Бог повелел тогда Ездру умереть, и он оставался так в продолжение ста лет. Потом бог воскресил его и спросил: Сколько времени ты пребывал здесь? День

¹ Милюков. Очерк истории русской поэзии 1864 г. Стр 223

или несколько часов, отвечал он. Нет, возразил бог, ты оставался здесь в течение ста лет. Посмотри, твоя пища и твоё питье не испортились; и потом посмотри на твоего осла: от него остались только кости. Мы хотели сделать из него для людей знамение. Посмотри, как мы соберем и покроем телом кости осла твоего. При виде этого чуда Ездра воскликнул: Я узнаю, что бог всемогущ¹.

Такова несложная фабула Корана. Что же сделал из нее Пушкин? Проф. Сумцов, сравнивая вышеприведенное стихотворение с легендой о чудесном многолетнем сне, указывает на „гениальную постройку“ из бедного материала... „В легенде, говорит он, проведена только идея о всемогуществе бога, а у Пушкина это всемогущество лишь только подразумевается, и на первый план выдвинута идея о благодати и любви. Путник не умирает, как в Коране, а засыпает, что гораздо более отвечает художественному чувству“... Вместо ста лет в Коране,—у Пушкина—многие годы, что дает простор воображению, не заключая его в определенные хронологические рамки. Фабула стихотворения построена не на сомнении путника во всемогуществе Аллаха, сомнении, ничем, кстати сказать, в Коране не мотивированном, а на ропоте на бога, вследствие невыносимой жажды. Гениальная прозорливость Пушкина необыкновенно ярко выразилась в том, что он в своем „Подражании“ восстановил основной тон сказания, которое существовало до Корана. Оно вошло в него вместе со многими из „старых басен“...²

Так Пушкин, не будучи „черезчур восточным“ и сохраняя вкус и взор европейца, показал нам в своих „Подражаниях“, как заповеди Мохаммеда отразились в сознании и укладе жизни арабского народа, интуитивно уловив в то же время своеобразный дух ислама, ритм речи и весь склад Корана, несмотря на беспорядочное его издajeние, многочисленные повторения, обилие темных мест, прозрачность большинства сур и не совсем удовлетворительную его стилистику.

Ведь нужно сознаться, что Мохаммед не был мастером слова, и стих ему давался с большим трудом, потому-то он и не говорил стихами и даже питал к поэзии нескрываемое отвращение. Да иначе и быть не могло, ибо поэзия была истинным проявлением старинного жизнерадостного язычества. Вот почему он волей-неволей должен был употреблять в своих откровениях рифмованную прозу. Но и с рифмованной прозой, а в ней-то по мнению арабов и заключается главное поэтическое достоинство Корана, а вовсе не в содержании,—Мохаммед не сумел справиться, позволяя себе всякие вольности, в которых не только нет красок, но, напротив, есть полнейшие ошибки³. Так иногда Мохаммед, не находя рифмы, был способен прямо коверкать слова. В суре ХСV, 2, гора Синай названа „Синин“ вместо обычного „Сина“, в суре XXXVII, 130, Илья назван „Ильясин“, вместо обычного „Ильяс“. Подобного рода примеров много приведено у Нельдеке; а Иосиф Нофаль все такие вот „consonnante rythmique“ Мохаммеда даже ядовито осмелял в своей книге *Legislation musulmane filiation et divorce*⁴.

Пушкин, повидимому, принял во внимание и это обстоятельство. Несовершенную рифмованную прозу пророка он заменил чарующими рифмованными стихами, как бы говоря:

„Давай мне мысль, какую хочешь.
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю“...

¹ Коран Перевод Казимирского. Стр. 31—32.

² Сумцов, Этюды о Пушкине. 1, 16—31. Харьк. Универс. Сборн. в память Пушкина. Стр. 162—174.

³ Очерк истории ислама. Дови. Стр. 124—125.

⁴ Проф. А. Крымский. Примечание к очерку истории Ислама. Дови. Стр. 1 примеч.

Недаром Белинский назвал „Подражания“ блестящим алмазом в поэтическом венце Пушкина, а Черняев—ключом к разгадке и верному пониманию священной для всего мусульманства книги. И только проф. Крымский находит „Подражания“ Пушкина очень и очень неудачными¹. В чем выражается эта „неудачливость“, автор не указывает. Но мне кажется, что, как арабист, проф. Крымский в своих отношениях и чувствах к Корану близко подходит к отношениям и чувствам к Корану правоверного мусульманина. В этом, впрочем, он и сам сознается². А для правоверного мусульманина „Коран—вещь неподражаемая, он есть истина, ложь не подходит к нему ни спереди, ни сзади, в нем нет противоречий, и что если люди и гении соберутся для того, чтобы произвести что-нибудь подобное Корану, то не произведут ничего подобного ему“...

¹ Очерк истории Ислама Дохи Стр 120. Примечание 5

² Там же Примечания 3, 5